

ПОНИМАНИЕ ВЛАСТИ В АНАРХИЗМЕ

В. Н. Первушина

Государственный университет правосудия, Центральный филиал

Поступила в редакцию 30 марта 2016 г.

Аннотация: в статье рассматривается понятие власти в классическом анархизме (М. Бакунин, П. Кропоткин, П.-Ж. Прудон). Автор приходит к выводу о том, что анализ власти в теории анархизма выходит за рамки психологизма и актуализируется в проблемном поле власти-архии.

Ключевые слова: анархия, анархизм, власть, власть-архия.

Abstract: *the concept of authority/power is regarded in the article (M. Bakunin, P. Kropotkin, P. Proudhon). The author comes to the conclusion that analysis of authority/power is actualized in the field of power-arhiya in the theory of anarchism.*

Key words: *anarchy, anarchism, authority/power, power-arhiya.*

В отечественной литературе, хотя и в неполной степени, преодолевается упрощенное представление об анархии и анархизме как отсутствии власти вообще¹. Вместе с тем существует ряд основополагающих вопросов в теории анархизма, требующих более глубокого осмысления и уточнения. Например, отсутствует однозначное определение, что такое анархия и анархизм. Последний определяют как мировоззрение, способность к самоорганизации и самоуправлению [1, с. 8]² и чаще всего как тип политического сознания [3, с. 71–112, с. 38–59; 4]. Преимущественно анархизм осмысливается в политико-правовом пространстве.

На наш взгляд, для того чтобы выявить *сущность анархизма, необходимо проанализировать его как кросс-культурное явление через отношение к власти*. А это отношение проявляется на бытийно-экзистенциальном, экономическом³, социально-политическом, правовом, идеологическом уровнях.

На бытийно-экзистенциальном уровне анархизм манифестируется как порождение отчаяния [6, с. 378] перед лицом государственной машины, наличие которой предполагает виновность как фундаментальное измерение человеческого бытия [7, с. 120] Из этой виновности и отчая-

¹ Исторически сложилось отрицательное отношение к анархизму, особенно со стороны марксистов, из-за признания анархистами возможности безгосударственной социальной жизни. Иной подход к анархизму в работах П. В. Рябова и А. В. Шубина.

² Сам П. Кропоткин определял анархизм «как составную часть нового мирозерцания» [2, с. 237].

³ В экономической области анархизм выступает за отрицание капитализма и всякого общественного режима, построенного на эксплуатации наемного труда [5, с. 19].

ния рождались бунт и солидарность.

Политико-правовые отношения в анархизме наиболее полно рассмотрены в отечественной литературе (Л. С. Мамут, С. Ф. Ударцев, А. А. Боровой и др.), в которой акцентируется внимание на отношении анархистов к праву и закону, их соотношению и т.д.

С точки зрения идеологического основания анархизм представляет собой ярко выраженную либеральную доктрину. Так, П. Кропоткин рассматривал анархизм как логический итог развития либертарных политических и этических идей, сфокусированных вокруг положения о минимальной роли государства и увеличении автономии личности. Вера в гармонию между личными и общественными интересами является характерной чертой либерализма, сближает позиции либерализма, утилитаризма и анархизма. Можно согласиться с выводом Н. Хомского о том, что классический либерализм, который в настоящее время обычно именуется либертарианизмом, «...ведет прямо к либертарному социализму или анархизму, ...» [8, с. 34]. Либерализм порождает анархизм (в экономической теории идея свободного рынка), а в современном информационном обществе (киберпространство) происходит конвергенция анархизма и либертарианизма, образуется своеобразная идеология дигитального либертарианизма [9, с. 112–141].

Обратимся к заявленной теме нашей статьи – отношению анархизма к власти. Мы будем опираться преимущественно на работы классиков анархизма: М. Бакунина, П. Кропоткина, П. Прудона. В литературе отмечается, что теория власти в анархизме носит психологический характер [4, с. 262]. Анализ трудов Бакунина, Кропоткина, Прудона показывает, что их понимание власти выходит за рамки психологизма. Так, П. Кропоткин отмечает, что «создать правительство – конституционное или неконституционное – значит создать такую силу, которая неизбежно будет стараться овладеть всем, подводить под свои уставы всю общественную жизнь...» [10, с. 392].

Известно, что проблема власти является одной из фундаментальных в общественном знании: социальной философии, социологии и политологии, а сам концепт «власть» имеет различные коннотации – мощь, влияние, сила, господство. Узкие рамки статьи не позволяют рассмотреть существующие в литературе точки зрения, типологию власти [11, с. 15; 12, с. 18–204; 13]. Разнообразные трактовки власти можно уместить в один алгоритм: отношение субъекта и объекта и реализация этих отношений в социальной практике. В этой парадигме власть есть асимметричная реляция между субъектом и объектом, ибо объект есть всегда подчиняющаяся сторона. Такая модель власти включает в обязательном порядке силовую доминанту – могущество, силу, господство. Власть опирается на одобрение наиболее авторитетной части людей (влиятельной партии, властвующей элиты), суть которой обоснование порядка, а источником власти выступает сила, проявляющаяся в богатстве, социальном статусе, владении информацией, знанием. Это – реляционно-деятельностная модель власти [14, с. 15–38, 84–101], которая стала предметом те-

оретического анализа уже во второй половине XIX в. представителями марксизма (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин) и сторонниками понимающей социологии (М. Вебером). Реляционно-деятельностная модель власти представляет собой субъектно-объектное отношение господства и подчинения, носит характер добровольности или принуждения, реализуется в социальном действии и функционирует на уровне социальных институтов. Это отношение носит характер формализованного господства через право и государство в индустриальном и постиндустриальном обществах. Такое понимание власти как легально-легитимный тип господства, *authority*, преимущественно преобладает в социологической и политологической литературе.

В последующем эта модель власти, так или иначе, воспроизводится в работах других исследователей. Так, у Н. Лумана власть анализируется как символическое средство коммуникации, позволяющее ее носителю иметь определенные преимущества перед другими в выборе наиболее выгодного способа социального действия [15]⁴.

Отметим, что принятая в отечественной литературе матрица власти была пересмотрена в западной литературе после работ М. Фуко, Э. Гидденса, Ю. Хабермаса. Концепт «власть» стал наполняться иным содержанием и обозначаться через термины «кратия» и «архия». Ф. Федье в статье о власти детально анализирует две «словесные конструкции власти», используемые в античной культуре. Власть исцелять, делать, обладать способностью к чему-либо; она есть синоним возможностей, добродетели; исток и смысл начала, власти. Это – власть-архия (*arhiya*). Захват власти над кем-то, господство, когда говорят о Боге и людях, подчинение, диктатура империи, авторитет, сила, власть управления; твердость, когда речь идет о металлах. Это – власть-кратия (*kratia*). В средневековье гражданское начало осуществлялось через власть-кратию, а духовное (власть-архия) – через церковь [16, с. 93–137]⁵. Власть-кратия реализуется через функцию и силу (легально-легитимный срез власти-кратии представлен в веберовском *authority*). Власть-архия функционирует в коммуникативном пространстве. Ее смысл оказывается иным: моральная аргументация, выходящая за рамки социальной полезности. Власть

---

⁴ Влияние Парсонса на концепцию власти Лумана несомненно. Луман использует в качестве методологического ориентира тот же принцип экстраполяции экономической подсистемы, что и Парсонс. Луман видит преимущество такого подхода в возможности сравнения власти с коммуникативными средствами иных видов: истиной или деньгами. У него наблюдается та же ориентация на модель функциональной дифференциации общества, которая позволяет усилить потенциалы конфликтов и консенсуса. Власть реализуется через коммуникативные отношения действия и регулируется кодом правовых-неправовых отношений. Вторичное кодирование власти проявляется в ее функциональных эквивалентах. К ним относится государство, выступающее «высшим пунктом генерализации власти», смысловой референцией всех операций политической системы.

⁵ Федье подчеркивает, что торжество порядка и власть большинства одинаково ведут в тупик [16, с. 151].

и мораль рассматриваются в неразрывном единстве. Понимаемая в таком контексте власть-кратия, отличается от традиционной реляционно-деятельностной модели власти, разработанной Марксом и Парсонсом, которые раскрывали смысл понятия властного принуждения через утверждения первоначальности обмена в экономической и политической сфере. У Маркса, например, рынок принуждает, хотя это принуждение выступает на поверхности в стертой форме: в образе вступления в обмен юридической взаимности, опираясь на договорные отношения «равенства» и «свободы». Принуждение в рамках власти-кратии существует до всякого обмена, т.е. не обязательно прибегать к марксовской базисно-надстроечной структуре общества. Принуждение изначально присутствует вне легального господства, создавая для «легального господства» дополнительное измерение, без которого существование легального института власти было бы невозможно. Это область функционирования микрофизики власти, обнаруживающейся не в институтах власти, в той или иной социальной группе, элите и т.д., а в технике, форме функционирования власти. Власть-кратия становится невидимой, проникает во все поры социального тела, используя не методы дознания с помощью пыток, а действует мягко, с помощью контроля, нормы, упражнения, экзамена, тестов, наделяя необходимыми функциями отдельные тела, жесты и т.д., подготавливая их для послушания (это положение блестяще исследовано М. Фуко). Возникает дисциплинарное пространство, в котором микрофизика власти постоянно экспериментирует с человеческим материалом и формирует новую политическую экономию. Открываются новые возможности для наказания и административного надзора над всем человеческим бытием. Практика дисциплинарного анализа и действия овладевает человеком с рождения и сопровождает его до конца земного существования. Овладевая на микроуровне социальным телом, власть становится экономной. Именно в дисциплинарном пространстве функционируют науки о духе – психиатрия, психология, медицина, педагогика, криминология и т.д. Микромеханизмы власти-кратии проникают на уровень глубинных измерений социального пространства вне социально-классовых, формально-правовых и идеологических критериев. Микрофизика власти носит универсальный характер, поддерживая функционирование всей системы принуждения в обществе. Нет уже никакой необходимости ни в аресте, ни в вынесении приговора, так как индивиды находятся в рамках универсального процесса нормализации, и воздействие власти на бессознательном уровне входит в их жизненные стратегии. Поэтому действие власти проявляется неявно. Таким образом, негативная форма власти (насилие) и позитивная форма власти-кратии (регуляция и сохранение целостности социума), тесно связаны между собой. Можно избежать трагической картины изображения власти-кратии даже в ее позитивной форме, как это было у Фуко, если не рассматривать социальный контроль в его изначальной данности как единство самокатегоризации и самоидентификации индивидов с лицами определенных категорий в рамках социального пространства.

Получается поле «отвлеченного нормативного идеализма» (Н. Бердяев), тирании нормы. Сужается самоопределение личности, исчезает ее индивидуальность. Остается один ярлык – «неудачник», «плохой ученик», «алкоголик», «нерадивый служащий», «лузер», «дауншифтер» и т.п. Для преодоления одностороннего представления о власти-кратии необходим анализ власти-архии.

Власть-архия (смысл, начало власти) отражает коммуникативный аспект не в его однонаправленном виде, как в случае власти-кратии, а подчеркивает эмансипацию власти, необходимость ее связи с моральной ответственностью. Дискурс власти-архии требует общего морального словаря: власть осуществляется через убеждения, аргументацию, поисков компромисса. Власть-архия воздействует на обстоятельства и мотивирует поведение индивида. Актуализация власти-архии необходима в поликультурном пространстве, требующем понимания, согласия и гуманизма. Эта форма власти оправдывает социальную, духовную защищенность граждан с позиции асистемности, подчеркивает необходимость толерантного отношения к исключенным. П. Кропоткин в «Государстве, его роли в истории», предвосхищая понимание двойственного характера власти, отмечал параллельность «двух течений, двух враждебных традиций: римская и народная; императорская и федералистская; традиция власти и традиция свободы» [17, с. 327]. Власть-кратия есть актуализация силы. Бюрократизация, дисциплина, надзор над повседневной жизнью, незащищенность жизненного мира характеризуют власть-кратию, а власть-архия – моральный аргумент власти, признание идей гуманизма и гражданской ответственности.

Исконными врагами свободной человеческой мысли П. Кропоткин объявлял правителя, законника, жреца. Поэтому необходимо ... объявить войну отвлеченной троице – закону, религии и власти, вступить в борьбу ... со всеми видами неравенства, которые влиты в наши сердца управителями религией и законом [10, с. 281, 301, 307; с. 276–277]. «Понятие государства обнимает собой не только существование власти над обществом, но и сосредоточение управления местной жизнью в одном центре, т.е. территориальную концентрацию, а также сосредоточение многих отправления общественной жизни в руках немногих или даже всех». Подчеркивая параллельность формирования власти, он отмечал, что «... в вольных городах борьба шла для завоевания и сохранения свободы личности, за принцип федерации, за право свободного союза и совместного действия, тогда как государства воевали из-за подавления личности, за уничтожение свободного соглашения, за объединение всех своих подданных в одном общем рабстве, перед королем, судьей и попом, т.е. перед государством. В этом вся и разница. Есть борьба, есть столкновения, которые убивают, и есть такие, которые двигают человечество вперед». Кропоткин считает государство «тройственным союзом между военным вождем, судьей (наследником римских традиций) и священником, тремя силами, соединившимися ради взаимного обеспечения своего господства и образовавшими единую власть, которая стала повелевать

обществом и, в конце концов, раздавила его [17, с. 298–299]. Известна критика П. Кропоткиным буржуазного парламентаризма. Речи депутатов содержат «лживые программы – одинаково лживые, будь они оппортунистские или социал-революционные, в которые сам кандидат, если он сколь-нибудь умен и знает палату, так же мало верит, как составитель календаря с предсказаниями, но которые он защищает, так горячо, таким громовым голосом, такими прочувственными речами, как странствующий, ярмарочный зубной лекарь ... есть ли хоть одна самая низкая, самая гнусная человеческая страсть, которая бы не эксплуатировалась во время выборов? Обман, клевета, низость, лицемерие, ложь – все, что есть грязного в глубине человека-зверя, – вот что разнуздывается во всей стране во время избирательного периода» [10, с. 394–395]. Философ уже в XIX в. пророчил крушение парламентаризма, связывая его с тем, что эффективность парламента очень низка, поскольку он отдан на откуп «болотным жабам», не имеющим определенных воззрений и примыкающим к разным партиям, смотря «потому, откуда ветер дует» [18, с. 95].

Почему у анархистов формируется негативное отношение к государству, особенно проявляющееся в радикальной форме у русских анархистов, и не только? Русская литература в лице Н. Гоголя, Л. Толстого, М. Салтыкова-Щедрина рисовала такими красками государственную машину, что поневоле порождала нигилистические настроения. Такое социально-политическое явление, как помпадурство, гениально описанное М. Салтыковым-Щедриным, давало нелюбимую характеристику русской политической элите как *самонадеянной*, не очень умной, заботящейся исключительно о собственных интересах. Ее деятельность руководствовалась принципом «запрещать и пресекать», а идеология, которую она несла, – это идеология «безазбучного просвещения», исполнителями которой выступали ташкентцы, администраторы, дремучее невежество которых избавляло их от сомнений в правомерности своих действий – «рассуждай, но в пределах». Негативное отношение в России к государственной власти было вызвано деспотизмом русской власти, жесткой централизацией, бюрократизацией государственного аппарата, политико-правовым беспорядком, подчас беспределом, поглощением личности тотальностью – государством, коллективностью, слабостью демократических традиций. Это порождало, с одной стороны, отчаяние, а с другой, – «бунтующий против насилия человеческий дух» (А. Боровой), установку нон-конформизма.

Что предлагалось вместо государства? Вместо государства «создать новые формы объединения, исходя из самых основных единиц каждого общества – из сельской общины, свободного союза рабочих и т.д...., перестроить все современное общество, основанное на узком лавочническом индивидуализме». Свободная деятельность народного творчества будет способствовать формированию «вольной федерации тех, кто нуждается в ней» [17, с. 325–326]. За отмирание государства выступал и либерал Г. Спенсер, полагая, что в будущем с падением роли государства все более важные функции будут выполняться организациями, не входящими

в состав правительственных органов. П. Кропоткин видел в буржуазном обществе много общественных организаций, обществ, союзов, кооперативов, которые являются формами взаимопомощи, должны подготовить почву для исчезновения государства. Добровольные общества и союзы складываются и в международном масштабе. Появляются предпосылки для новой международной организации. В этих формах организации общественной жизни он видел зарождение безгосударственной анархической организации общества [19, с. 78–79].

М. Бакунин под анархией понимал свободу, т.е. «вольную организацию рабочих масс снизу вверх», которая признается «окончательной целью общественного развития» [20, с. 483]. *Порядок есть анархия*. Под ней подразумевается не хаос, беспорядок и т.п., а *осознание личностью своих интересов и их согласование с остальными членами сообщества*, «предполагая в человечестве вообще, наибольшую сумму счастья, а потому и наибольшую сумму жизненности» [18, с. 44]. Гармония личных и общественных интересов у Кропоткина (у Прудона теория мютюэлизма) вытекает из этики солидарности и принципа ассоциации. «Общество ... зиждется на сознании – хотя бы инстинктивной человеческой солидарности, взаимной зависимости людей. Оно зиждется ... на тесной зависимости счастья каждой личности от счастья всех, и на чувстве справедливости, или равноправия, которое вынуждает личность рассматривать права каждого другого, как равные его собственным правам». «Склонность людей к взаимной помощи имеет такое отдаленное происхождение, и она так глубоко переплетена со всем прошлым развитием человечества, что люди сохранили ее вплоть до настоящего времени, несмотря на все превратности истории» [21, с. 22, 87].

То исследование власти, которое обнаруживается в работах анархистов, осмысливается, на наш взгляд, в рамках власти-архии. Безусловно, ее функционирование требует образованности граждан, гражданской активности и ответственности, которые, в этом анархисты были уверены, заменит собой вмешательство правительства, поэтому постепенно будет исчезать потребность в парламентаризме. В этом плане перспектива развития человечества заключается, с точки зрения анархизма, в движении от неограниченного правления дворцовых партий к конституционному правлению, потом появлению новых политических организаций, «соответствующих новой хозяйственной жизни», «основанных на свободном союзе и вольной федерации» [18, с. 57]. Поэтому у Кропоткина (он – не сторонник индивидуалистической системы анархизма) анархизм и коммунизм дополняют друг друга, ибо народ в состоянии созидать учреждения обычного права, чтобы защищаться от господствующего меньшинства. Прообразами таких организаций являются вольные общины городов, союзы, гильдии т.п., объединение в них носит исключительно добровольный характер, и царствует *amitas*. На основе свободных соглашений и свободного почина возникнет новая цивилизация. Стабильность власти основывается на личной заинтересованности, побуждающей людей к добровольному подчинению и делающей ненужными

контроль и применение санкций. Максимальная сила власти достигается при ее идентификации, т.е. отождествлении объекта и субъекта власти. Власти-кратии противопоставляется безгосударственное местное самоуправление. Для Бакунина положительная власть – общественная организация, самодисциплина; негативная власть – насильственная, принудительная, навязанная государством.

В области этического пространства провозглашаются принципы солидарности и взаимопомощи, поиски новых форм социальности в форме коммун, ассоциаций или иных объединений. Возникает протест против притязаний абсолютной власти, вызванной необходимостью избежать социального хаоса, возникающего там, где не слышен голос другого. Признается тройное братство людей в разуме, труде и свободе как основе демократии будущего (М. Бакунин). Единственно, что экономическая и политическая организация социальной жизни должна исходить не от центра к периферии, а снизу вверх и от периферии к центру по принципу свободной ассоциации и федерации, поскольку политические и экономические свободы не совместимы с системой централизации.

В чем в настоящее время проявляется актуальность анархизма? Во-первых, это – идея местного самоуправления, минимизации централистских функций государства, связанных с экономической, социальной, национальной, культурной жизнью людей. Признавалось, что государство не способно удержать силой национальное единство. Обозначалась дилемма: использовать государство как консолидирующий общество социальный институт с жесткой централизацией, либо консолидировать общество через саморегулирующиеся единицы. Во-вторых, артикуляция единства общественных и личных интересов акцентировала внимание на моральном аргументе власти. Не случайно сторонником анархизма был Л. Н. Толстой, представитель этики ненасилия, одной из задач которой соединение политики и морали. По существу речь идет об эффективности управления обществом: соотношения управления и самоуправления, функций общественных организаций, формировании гражданского общества.

В понятие «анархия» П. Кропоткин и Прудон вкладывали двоякий смысл: анархия – общественный идеал, «абсолютно безвластное общество, что недостижимо, ибо анархизм требует свободного человека, требует самодеятельности, воспитания, культуры [18, с. 276; 5]. И другой смысл. Это у П. Прудона. Анархия – «своеобразная форма политической организации, характеризующаяся преобладанием начал автономии и самоуправления над началом государственной централизации. Федерализм – жизненный компромисс между анархией и демократией [5, с. 140]. Далее П. Прудон продолжает: анархия – «власть закона, т.е. необходимости. Общество должно базироваться на четырех принципах: равенстве, законности, независимости и пропорциональности [22, с. 195].

Таким образом, Прудон был поднят вопрос о (конечно, на уровне тенденции) о двойственном характере власти (внутренней двойковости самого понятия власти).

Можно упрекать анархистов в утопизме, отрицании единства власти-кратии и власти-архии. Конечно, исключение той или иной формы власти из теоретического дискурса приводит действительно к логике утопического мышления. В *первом случае* свобода приносится в жертву порядку. Идея утопических, идеальных государств опиралась на симбиоз власти-кратии и военного опыта. Во *втором* – свобода трансформируется в своеволие, социальный хаос. Наша задача заключается не в навешивании ярлыков на анархистов, а в выяснении причин актуальности их учения. Мы отметили две причины. *Третья* заключается в признании значимости борьбы с бюрократизмом, артикуляции проблемы федерализма, глобальных форм государственных образований.

Четвертая причина. Всемогущество бюрократической государственной машина отчуждает человека от власти. Происходит разрыв между так называемой элитой и остальным обществом, разрыв интересов верхов и низов. Для того чтобы элита осознала приоритет национальных интересов, не замыкалась на узкокорыстных, необходимо проявление власти снизу, т.е. с точки зрения индивидов и добровольных объединений, а для этого необходимы следующие условия: культурные основания в виде либерально-демократических ценностей, значительное расширение ролевого плюрализма и адекватных ему институциональных структур и функций. Философия номинализма и либеральные традиции вытекали из диалогической концепции власти. Сформированный диалог власти и общества разрешает коллизии элиты и общества.

Пятая причина. Анархизм артикулирует взаимосвязь морали и власти, а именно: моральную ответственность власти. Уникальность власти в отличие от природной стихии заключается в возможности убеждать, приводить доводы, общаться, предвидеть результаты действий; оценивать последствия и изменять поведение в зависимости от такой оценки.

Шестая причина. Мощное либертарианское начало в анархизме: признание свободы «как единственно образующего принципа политической и экономической организации общества» (М. Бакунин).

Можно упрекнуть анархистов в излишней вере в природу человека, в неизбежный рост сознательности и организованности народных масс. Но перед тем вызовом, с которым столкнулась современная цивилизация, – военные конфликты, грозящие перерасти в мировой, терроризм, акцентирование нравственного начала объединения общества и человечества в целом, предложенное анархистами, приобретает все большую значимость. А для этого необходимы гражданская активность и ответственность каждого, являющиеся условиями выживания человечества. И в этом анархисты были правы.

Литература

1. Петр Алексеевич Кропоткин / под ред. И. И. Блауберг. – М. : РОССПЭН, 2012. – 447 с.
2. *Кропоткин П. А.* Речи бунтовщика / П. А. Кропоткин // Избранные труды. – М. : РОССПЭН, 2010.

3. Мамут Л. С. Этатизм и анархия как типы политического сознания / Л. С. Мамут. – М. : Наука, 1989. – 256 с.

4. Ударцев С. Ф. Политическая и правовая и теория анархизма в России : история и современность / С. Ф. Ударцев. – М. : Форум-М, 1994. – 382 с.

5. Боровой А. А. Анархизм / А. А. Боровой. – М. : КомКнига, 2007. – 160 с.

6. Ленин В. И. Анархия и социализм / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – М. : Изд. полит. лит., 1979. – Т. 5. – С. 377–378.

7. Подорога В. Апология политического / В. Подорога. – М. : Изд.-во гос. ун-та ВШЭ, 2010. – 288 с.

8. Хомский Н. Государство будущего / Н. Хомский. – М. : Альпина-нон-фикшен, 2012. – 104 с.

9. Первушина В. Н. Киберпространство и сетевое общество / В. Н. Первушина, С. Н. Хуторной. – Воронеж : Истоки, 2015. – 160 с.

10. Кропоткин П. А. Нравственные начала анархизма / П. А. Кропоткин. Этика. – М. : Изд.-во полит. лит., 1991. – 496 с.

11. Халипов В. Власть. Основы кратологии / В. Халипов. – М. : Луч, 1995.

12. Халипов В. Кратология – наука о власти. Концепция / В. Халипов. – М. : Экономика, 2002.

13. Ледяев В. Г. Формы власти : типологический анализ / В. Г. Ледяев // Полис. – 2000. – № 2. – С. 6–19.

14. Первушина В. Н. Метафизика власти (методологические истоки и подходы) / В. Н. Первушина, К. С. Змушко. – М. : Спутник+, 2006. – 169 с.

15. Луман Н. Власть / Н. Луман. – М. : Праксис, 2001. – 256 с.

16. Федье Ф. Воображаемое. Власть / Ф. Федье // Везен Ф. Философия французская и философия немецкая. – М. : УРСС. – 2002.

17. Кропоткин П. А. Государство, его роль в истории / П. А. Кропоткин // Кропоткин П. А. Избранные труды. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 275–329.

18. Кропоткин П. А. Современная наука и анархия / П. А. Кропоткин // Хлеб и воля. Современная наука и анархия. – М. : Правда, 1990. – С. 239–362.

19. Ударцев С. Ф. П. Кропоткин / С. Ф. Ударцев. – М. : Юрид. лит., 1989. – 144 с.

20. Бакунин М. А. Государственность и анархия / М. А. Бакунин // Философия. Социология. Политика. – М. : Правда, 1989. – С. 291–527.

21. Кропоткин П. А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса / П. А. Кропоткин. – М. : Книжный дом, 2013. – 280 с.

22. Прудон П.-Ж. Что такое собственность? Исследование о принципе права и власти / П.-Ж. Прудон. – М., 1918. – 160 с.

*Государственный университет права
восьудия, Центральный филиал*

*Первушина В. Н., доктор философ-
ских наук, профессор кафедры обще-
гуманитарных и социально-экономиче-
ских дисциплин*

E-mail: VeraValen47@yandex.ru

Тел.: 8 (473) 249-00-56

*State University of Justice, Central
Branch*

*Pervushina V. N., Doctor of Philosophy,
Professor of the Humanities and Social-
Economic Disciplines Department*

E-mail: VeraValen47@yandex.ru

Tel.: 8 (473) 249-00-56